

ДИДЕРИХС Е. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ДИДЕРИХС Екатерина Андреевна. В 1914 — окончила Медицинский институт, работала военным врачом на фронте, с 1918 — в Красной армии, в 1920 — в плену, в 1921 — после обмена работала врачом в армии, после демобилизации — в органах здравоохранения. В начале 1935 — арестована, 19 сентября приговорена к 2 годам ИТЛ.

В декабре 1935 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<15 декабря 1935>

«Е. ПЕШКОВОЙ»

участницы гражданской войны, врача
ДИДЕРИХС Екатерины Андреевны,
содержащейся под стражей в
Изоляторе особого назначения в
г<ород> Ленинграде (домашний адрес
которой: г<ород> Ленинград, 25,
Просп<ект> Нахимова, д<ом> 8, кв. 14)

Я обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне выйти из того положения, в которое я попала, как жертва явного недоразумения.

Из прилагаемых документов видно, что из двадцати одного года моего самостоятельного существования, т<о> е<сть> работы моей в качестве врача, с момента окончания мною ВУЗа 18 лет я провела на СОВЕТСКОЙ СЛУЖБЕ.

В самые тяжкие для Республики Советов дни, в дни, когда со всех сторон наседали на нее враги, я в качестве ВОЕННОГО ВРАЧА, работающего на передовых участках борьбы ПОД ОГНЕМ НЕПРИЯТЕЛЯ, вносила и свою долю в общее дело всех участников гражданской войны, в дело борьбы за существование Советского государства, в дело борьбы за укрепление Советского строя.

Я прилагаю документы, удостоверяющие этот факт, подтверждающие мою работу в лечебных пунктах на боевых участках фронта. Совместно с лазаретом, в котором я работала, вместе с воинской частью, в которой был прикреплен этот лазарет, и я участвовала в авангарде войск, преследовавших отступающих белополяков, и была в передовых частях, ведших наступление на Варшаву.

Совместно со всей моей воинской частью, я была отрезана от нашей армии и в 1920 году попала в плен. Находясь в плену, я работала как врач и ухаживала за нашими ранеными и больными КРАСНОАРМЕЙЦАМИ. С рядом других пленных красноармейцев, красных командиров, политработников, я в декабре 1921 года была обменена представителями Советского командования и после возвращения из плена продолжала работу в Армии. После демобилизации и окончания Гражданской войны до текущего дня, я все время работала в органах здравоохранения.

Итак: в 1914 году я окончила Медицинский ВУЗ. С этого времени непрерывно, до текущего дня, я работаю по найму — всего 21 год. Из них 18 лет при Советской власти, в условиях и обстановке, изложенных выше. Разве это не свидетельствует о том, что человек, столь тесно, неразрывно связавший себя со всей Советской действительностью, начиная с первых ее шагов, начиная с момента борьбы Советского государства за существование и кончая последним этапом развития всей социалистической мощи Советского Союза, полностью и целиком, всем своим существом, всей своей психикой воспринял идеологию пролетарского государства? Разве это не ограждает его от подозрений в нелояльности или в контрреволюционности?

А между тем, 19 сентября 1935 г<ода>, по делу № 101215/2865 я была приговорена Спецколлегией Ленинградского Областного Суда к 2 годам лишения свободы по ст<атье> 58-10 УК.

Стоит только ознакомиться с приговором, который, к сожалению, мне не вручен, чтобы убедиться в том, насколько необоснованно предъявленное мне обвинение.

Я происхожу из обрусевших немцев. Сама я родственную связь со своими германскими сородичами давно потеряла, но родители мои при жизни ее поддерживали. Источником существования для меня всю мою жизнь, с момента окончания ВУЗа, служила моя заработная плата. Я денег из заграницы никогда не получала. Но в 1934 г<оду> и 1935 г<оду> было несколько случаев получения мною на Торгсин из заграницы небольших сумм — по 8-9 марок. Я предполагала, что деньги эти переводятся родственниками родителей. Я знала, что на Торгсин получают деньги десятки тысяч лиц и, следовательно, преступления не видела. Извещение о переводе на Торгсин я получила через Банк и из Банка же я получала специальные открытки, текс которых был печатный. Иными словами, они имели характер шаблона. В них содержалась просьба указать — получила ли я деньги и что я на них приобрела. Я отвечала чрезвычайно лаконично: на первый вопрос — одним словом "получила", на второй вопрос ответила только вначале раза два — "продукты", один раз — "туфли". Следующие два-три раза (деньги я получила всего четыре-пять раз) я на второй вопрос вовсе не ответила.

Получая открытку о подтверждении из Банка, т<о> е<сть> из того же кредитного советского учреждения, из коего получалось извещение о переводе, я предполагала, что такое подтверждение является неотъемлемой принадлежностью всякого перевода на Торгсин из заграницы. У меня не было решительно никаких оснований подозревать, что ответы эти могут быть использованы с провокационной целью. Ответы, как я уже сказала выше, были чрезвычайно лаконичны. А между тем меня признали виновной в том, что я подтверждала получение денег в форме, "используемой в провокационных целях".

Какие, спрашивается, у меня были основания подозревать возможность провокации в этом случае? Тем меньше у меня было оснований, когда я узнала, спустя некоторое время, что деньги были переведены мне епископом МАЛЬМГРЕНОМ. Он был близок моей покойной матери, я знала, что он уезжал за границу легально. Я считала вполне приемлемым принятие таких переводов от него в столь незначительных суммах.

О какой злой воле с моей стороны может идти речь при наличии указанных выше обстоятельств? Очевидно, что умысла у меня никакого не было и что нести ответственность за использование в провокационных целях совершенно безобидных ответов я, во всяком случае, не должна.

Е. Дидерихс.

15 декабря 1935 г<ода>.

Глубокоуважаемая т<оварищ> Пешкова, моя тетка Е. А. Дидерихс, переведена с 21/XII в ИТК №7 на Пестово Кировской ж<елезной> д<ороги>, где ей предоставлена работа врача. Е. А. Д. так удручена осуждением, что чувствует себя совершенно неработоспособной, и нам, ее родным, приходится бояться за ее психическое состояние. Между тем, не надо быть племянником, чтобы считать, что Е. А. Д. по своим личным качествам и как врач, всю свою жизнь беззаветно посвятившая облегчению чужих страданий, заслужила несомненно не тюремное заключение, а общее уважение. Если Вам понадобится, то я совершенно

уверен, что смогу Вам дополнительно представить как от частных лиц, так и с мест ее службы, подтверждения о безумной ее преданности своей работе на протяжении всех последних 18 лет. Когда думаешь о Е. А. Д., то невольно вспоминаешь записки Кони о д<окто>ре Газе и других врачах, бескорыстно отдавших всю свою жизнь облегчению чужих страданий.

До сих пор я не могу отдать себе отчета, как могла произойти подобная судебная ошибка.

Т<ак> к<ак> просьба Е. А. Д. во ВЦИК о помиловании была отклонена по формальной причине, без разбора дела по существу (отсутствию должного по закону срока отбытия наказания), то я убедительно прошу Вас оказать содействие Е. А. Д. и известить нас о своем решении по адресу: Ленинград, Просп<ект> Нахимсона, д<ом> 8, кв. 14 на имя Ек<атерины> Андр<еевны> Дидерихс.

Заранее благодарный Ф. Дидерихс»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1496. С. 148-151. Машинопись, подпись — автограф Е. Дидерихс; текст после даты — автограф Ф. Дидерихса.